

ДУХОВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАВА В ФИЛОСОФИИ РУССКОГО КОНСЕРВАТИЗМА

С.В. Шестопалов

*Тульский
государственный
педагогический
университет
им. Л.Н. Толстого*

*e-mail:
phileo@tspu.tula.ru*

Статья посвящена духовным основаниям права в философии русского консерватизма. В статье рассматривается развитие русской философии права в конце XIX – начале XX вв. Автор исследует консервативные и либеральные подходы к праву. Особое внимание уделяется философии права И.А. Ильина.

Ключевые слова: философия, консерватизм, либерализм, право, философия права.

В конце XIX – начале XX вв. в российской философии и юриспруденции началась длительная борьба с теоретико-правовыми постулатами юридического позитивизма. Характерная для позитивистов идея отождествления права с законом, с принудительной нормой поведения, санкционированной государственным принуждением, хотя и выражала определенные аспекты правоприменительной практики, однако существенно подрывала формирование правосознания российского общества. Юридический позитивизм в своем стремлении оградить право от морали, от ценностной сферы жизни общества в целом, становился одним из факторов распространения в обществе правового нигилизма, пренебрежительного отношения к праву как таковому.

С критикой юридического позитивизма выступали сторонники различных идейных течений отечественной мысли. Так, выдающийся русский правовед и философ Б.А. Кистяковский, в своей программной статье «В защиту права», помещенной на страницах сборника «Вехи», вполне справедливо указал русской интеллигенции как на ее пренебрежение правом, так и на неразвитость ее правосознания и правопонимания. Причину этого положения ученый увидел не только в недостатке воли к праву, но и в тех теоретико-правовых и философско-правовых доктринах, которые приписывали праву весьма ограниченную ценность. Российские юристы определяли право как совокупность норм поведения, санкционированных государственным принуждением, философы же вслед за Г.Еллинеком и В.С. Соловьевым видели в праве только этический минимум. Поэтому, как вполне обоснованно отмечает Б.А. Кистяковский, упрекать интеллигенцию в игнорировании права, поскольку «она стремилась к более высоким и безотносительным идеалам и могла пренебречь на своем пути эту второстепенную ценность»¹, не было никаких оснований.

Действительно, заслуживает ли упрек в правовом нигилизме серьезного внимания, если право представляет собой всего лишь принуждение со стороны государства или этический минимум человеческого поведения? Если этот упрек оправдан, тогда право должно представлять собой нечто более ценное и значимое сравнительно с принуждением или этическим минимумом. И Б.А. Кистяковский это обстоятельство прекрасно понимает, поскольку приходит к выводу о том, что русская интеллигенция совершенно неверно оценивает культурное значение права. По его мнению, духовная культура состоит не из одних ценных содержаний, значительную часть культуры составляют ценные формальные свойства интеллектуальной и волевой деятельности. Из всех же формальных ценностей именно право в силу конкретности, «осязаемости» своей формы, играет самую важную роль в жизни человека и общества.

Таким образом, духовное значение права виделось Б.А. Кистяковскому в его либеральном и кантианском истолкованиях. Ученый призвал русское общество к признанию формальной природы права не только в ограниченно-инструментальном

¹ Кистяковский Б.А. В защиту права (Задачи нашей интеллигенции) // Философия и социология права. – СПб., – 1998. С. – 360.

смысле, но и в его этическом и культурном значении, поскольку многие русские мыслители и общественные деятели как консервативного, так и социалистического направлений, действительно отказывались видеть в праве существенную культурную ценность.

Основоположники русского консерватизма – славянофилы – вполне одобрительно констатировали отсутствие в русской культуре должного внимания к формальным ценностям. Так, И.В. Киреевский главной особенностью западноевропейской юриспруденции считал ее формализм, поскольку она «отвлеченно выводит логические заключения из каждого законного условия, говоря: форма – это самый закон, – и старается все формы связать в одну разумную систему, где бы каждая часть, по отвлеченно-умственной необходимости, правильно развивалась из целого, и все вместе составляло не только разумное дело, но самый написанный разум»¹. Формализм права И.В. Киреевский связывал с особенностями развития западноевропейского общества, развития, во многом определяемого насилием. Именно эти особенности создали предпосылки для приоритета права в регулировании отношений между самостоятельными индивидами.

Подобные рассуждения породили вывод о радикальном правовом нигилизме славянофилов, который рассматривается обычно как явный недостаток их социально-философской концепции. Однако, на позицию славянофилов можно взглянуть и с другой стороны. Фактически, они пришли к выводу о том, что идея права, взятая в ее высшем значении, несовместима с обществом, основанным «единственно на личной пользе, огражденной договором». «Личная польза», по А.С. Хомякову, «как бы себя не ограждала, имеет только значение силы, употребленной с расчетом на барыш»². Таким образом, славянофилы сомневались в оправданности употребления самого термина «право» применительно к модели личных прав, господствующей в западноевропейском обществе.

В результате, суть проблемы антипозитивистского различения права и закона видится несколько в ином свете. Стало привычным осуществлять такое различение конструируя понятие права на основе либеральных представлений о «естественном праве», о «свободе, ограниченной свободой другого человека», о «правах человека» и т.п. Подобная стратегия рассуждения возможна, если принимается определенная философская позиция, и, в частности, если признается определенная философская антропология.

Антропология либерализма, признавшая руссоистский тезис о том, что «человек по природе добр» и объявляющая высшей ценностью «суверенную личность», как и антропология радикализма с ее идеалом человека, бросающего вызов традиционным авторитетам – чужды консерватизму. И не только потому, что антропологические воззрения ряда консерваторов было вполне мизантропично. Например, В.Л. Мещерский неоднократно высказывался: «Вообще человек зверь, в частности он бывает хуже или лучше зверя»; «с тех пор, пока я себя помню, я знал, что человек – зверь и зверь лютей всех лютей зверей на земном шаре; человек ужасен не только тем, что он злее всякого зверя, но тем, что мораль свою применяет к своим зверствам и ею оправдывает себя». По мнению этого русского публициста, делать «культ из фраз о великих правах человека» значит вступить на скользкую и небезопасную стезю, уводящую от истинных – надчеловеческих – ценностей³.

Консерваторы никогда не объясняли человека, исходя из него самого, для них человек всегда есть часть вполне конкретной тотальности, представляющей собой либо общность (народ, государство), либо то, что эту общность сплачивает воедино (религия, культурная традиция). Именно поэтому идеологи русского консерватизма с большой осторожностью приступали к обсуждению проблематики «прав человека»,

¹ Киреевский И.В. Полн. собр. соч. – М., 1861. – Т.1. – С.207.

² Хомяков А.С. Мнение иностранцев о России // О старом и новом. – М., – 1988. – С.93.

³ Карцов А.С. Правовая идеология русского консерватизма. – М., – 1999. – С.138.

поскольку, задаваясь вопросом о субъекте этих прав, они находили, что все определения понятия «человек вообще» приблизительны и схематичны. Оппозиция европейскому рационализму, характерная для консерваторов и обычно квалифицируемая как свидетельство их обскурантизма, зачастую имела вполне здоровое основание в недоверии к возведению априорных положений и абстрактных доктринальных принципов в некие якобы самоочевидные постулаты. Например, К.Л. Победоносцев не без оснований указывал на то, что абсурдно превращать общеправовые категории («свобода», «равенство», «братство») в юридически-обязательные права, директивно устанавливаемые государством.

Таким образом, консерваторы не согласны вслед за либералами видеть в индивидуальном человеке вообще, который уже по одной своей принадлежности к «человечеству» должен быть наделен вполне определенными «правами человека». И причина даже не в том, что многие консерваторы за человеком как таковым не признают абсолютной ценности, отдавая предпочтение надличностным ценностям. Для консерваторов субъект права – не абстрактное физическое лицо, но человек с вполне определенной национальной и сословной принадлежностью, с конкретными потребностями, стремлениями и ожиданиями, причем всякая конструкция личных прав – случайна и произвольна, если она не имеет субстанциональной основы в лице реальной общности, в которую индивид (субъект данных прав) интегрирован. Единство же «человечества» как некоего целого консерваторам представлялось эфемерным, ибо человечество не образует и не может образовать солидарной группы, не представляет в мировом масштабе аналог государственной общности. Вследствие чего у «человечества» отсутствуют правомочия устанавливать своим членам права и обязанности.

Проблема соотношения индивидуальных прав и индивидуальных обязанностей решалась консерваторами на основе представлений об индивидуальном долге, выражаемых посредством понятий «ответственность», «обязательство», «честь». Именно чувством долга, уверяли и К.Л. Победоносцев, и М.Н. Катков, и Л.А. Тихомиров, и И.А. Ильин должны скрепляться отношения человека с государством, но отнюдь не ненадежным – во всех отношениях – основанием личного интереса. Юридическая регламентация личного статуса должна вносить свой вклад в воспитание в индивидуальном человеке «мы», чувства сопричастности ценностям общегосударственного и общенационального значения. Регламентация же, построенная на культивировании индивидуальных прав, деформирует правосознание человека, развивая в нем до патологических размеров чувство эгоцентричного «я».

Антропологическая модель консерваторов задавала точно выверенную пропорцию между правами личности и ее обязанностями. «Партикулярное существование потребительской личности, жаждущей материальных благ и юридических гарантий, освобожденной от обязанности (и ответственности) перед обществом, – отмечает современный исследователь консерватизма А.С. Карцов, – «антиидеал» консерваторов»¹. Консервативное правовопонимание отворачивается от идеи индивида как первоначала, никем и ничем не заменимого. Превосходство требований этики социальной над требованиями этики индивидуальной диктует человеку совершать только те действия, которые несут социальное благо, а не просто являются юридически разрешенными.

У консерваторов-охранителей (М.Н. Катков, К.Л. Победоносцев) социальное благо было тесно связано с соображениями политической целесообразности, а у консерваторов-романтиков (славянофилы) таковым оказывались ценности социокультурного порядка. Наличие ярко выраженных романтических и охранительных тенденций в консерватизме зачастую рассматривается как свидетельство определенного анахронизма позиции консерваторов. Согласно общепринятым оценкам, консерватизм обычно рассматривается как реакция на те революционные идеологические конструкции, которые были представлены как либерализмом, так и марксизмом. Однако

¹ Карцов А.С. Правовая идеология русского консерватизма. – М., – 1999. – С.138.

следует учитывать, что ряд сторонников консерватизма рассматривают свою идеологию как специфический вариант революционной идеологии.

Так, по мнению одного из крупнейших консерваторов XX в. Ю. Эвола, имеет смысл говорить о «консервативной революции», чтобы подчеркнуть динамическую составляющую консерватизма. Однако в данном сочетании слово «революция» утрачивает свое прежнее значение насильственного ниспровержения законно установленного порядка и подразумевает действие, направленное на устранение хаоса, пришедшего на смену бывшему порядку, и на восстановление нормальных условий. «Уже де Мэстр, – пишет Ю. Эвола, – подчеркивал, что в данном случае речь идет не столько о «контрреволюции» в узком и спорном значении этого слова, сколько о действии «обратной революции», то есть положительном и обращенном к истокам. Причудливая судьба слов: «революция» в своем изначальном этимологическом смысле и не означает ничего иного; она происходит от *re-volvere*, субстантива, который выражает движение, возвращающее к собственному истоку, к отправной точке. Поэтому для победы над современным миром именно из истоков следует черпать «революционную» и обновляющую силу»¹.

Для Ю. Эвола консерватизм представляет собой, прежде всего решительный разрыв с любыми идеологиями, любыми политическими и партийными группировками, чье возникновение прямо или косвенно связано с идеями, развитие которых ведет от либерализма и демократии к марксизму и коммунизму. Если люди, еще способные на этот разрыв сохранились, «им необходимо дать в качестве ориентира твердую основу в виде общего мировоззрения и строгой доктрины государства»².

Среди русских консерваторов И.А. Ильин может претендовать на статус консерватора-революционера. Его философско-правовая доктрина, оформленная уже в эмиграции характеризовалась двумя ключевыми моментами, которые можно обозначить как «реалистическая антропология» (необходимость учета действительных возможностей человека и их пределов) и «духовная перспектива» (возможность преодоления несовершенств индивидуальной и социальной жизни служением высшим ценностям). Пороки современного ему общества Ильин частично выводит из органических дефектов человеческой природы, частично относит на счет новейшей социально-политической организации общества, где все создано для процветания ничем не стесненного себялюбия.

В силу этого, И.А. Ильин постоянно напоминает о несводимости категории «правосознания» к тому, что «человек сознает свои права и о них думает». Право он рассматривает как духовный феномен. Духовным философ называет такое состояние души, которое «является восприятием, переживанием и осуществлением верховной, объективной ценности»³. Связь между духом и правом можно выразить так: необходимые формы духа составляют основы правосознания. В основе права всегда лежит живое и правое притязание человека на духовность, притязание на духовно-необходимые формы жизни, теоретическим выражением которых являются аксиомы правосознания. К аксиомам правосознания И.А. Ильин относил закон духовного достоинства, закон автономии и закон взаимного признания.

Таким образом, И.А. Ильин формулирует позицию, которая не может рассматриваться ни как апология существующего социально-политического порядка в духе консерваторов-охранителей, ни как ностальгическое воспоминание о легендарном прошлом в духе консерваторов романтиков. Его позиция достаточно радикальна: в основе права лежит не сила (государства или личности), а притязание на духовно-необходимые формы жизни, необходимые формы духа составляют основы правосознания.

¹ Эвола Ю. Люди и руины. – М., – 2007. – С.7.

² Там же. – С.5.

³ Ильин И.А. О сущности правосознания.// Собр. соч. в десяти тт. – Т.4. – М., – 1994. – С.309.

Именно проблема правосознания является для мыслителя центральной проблемой юридической науки. Правосознание не может рассматриваться лишь как совокупность отвлеченных знаний. В основе правосознания должно лежать осмысление реального правового опыта. Поэтому И.А. Ильин далек от идеализации социально-политических и социокультурных реалий России.

Исторический опыт России, по мнению философа, должен быть осмыслен как органическое крушение самодержавия и как разложение созданного им уклада духовной жизни. Сущность этого уклада И.А. Ильин и видел в систематическом отлучении «подданного» от власти и от государственного дела. И именно это отлучение в корне подрывает самую сущность государства и правосознания, поскольку политическая жизнь не только не исчерпывается пассивным подчинением чужой воле, но прямо исключает такое подчинение. Сущность политической жизни мыслитель видел в самоуправлении, при котором каждый гражданин осознает в законе присутствие своей воли и своего разума. Отлучение же народа от власти ставит его во внеполитическое состояние. «Государство, – констатировал И.А. Ильин, – возносится над народом и давит его, как постороннее, чужеродное тело»¹.

Именно этот уклад жизни породил немощное русское правосознание, которое не смогло справиться с историческими и политическими испытаниями. «Народ, лишенный государственного правосознания, – писал И.А. Ильин, – может создавать только видимость государства, и политическое единение его призрачно и эфемерно. Не война разложила Россию, а немощное и изувеченное правосознание народа»².

Историческую миссию русской интеллигенции мыслитель связывал с пониманием и познанием дефектов и недугов своего и общенационального правосознания. Задача русского правопедания – прийти в этом на помощь интеллигенции и всему народу: юристы должны осуществить это самопознание прежде всех и глубже всех и повести по этому пути за собой интеллигенцию и народ. Этот процесс и должен стать основой государственного обновления России.

Однако проблема не ограничивается только тем, чтобы русское национальное правопедание поставило перед собою эти задачи; но и в том, чтобы оно нашло для них правильное разрешение. Для этого И.А. Ильин, считает необходимым прежде всего испытать, увидеть и понять, что право и государство, которые регулируют, конечно, не внутренние, а внешние деяния человека, тем не менее живут именно внутренними, душевными состояниями его, и притом не безразлично какими, а именно душевно-духовными. «Строить право, – писал И.А. Ильин, – не значит придумывать новые законы и подавлять беспорядки; но значит воспитывать верное и все углубляющее и крепнущее правосознание»³.

Человек творит право и государство именно чувством, волею и сознанием, не «просто» внешними поступками, но длительными, устойчивыми и содержательно-верными напряжениями души и духа. Юристу, способному только к формальным анализам, и политику, стремящемуся к максимальному расширению публичных полномочий, конечно, может казаться, что сущность юриспруденции сводится лишь к поиску надежного механизма, регулирующего внешние возможности и поступки человека. Фактически же, такой подход приводит к тому, что дефекты правосознания принимаются как своего рода норма и право субъекта. А именно субъект права привлекает главное внимание мыслителя. «Право и государство живут, – писал И.А. Ильин, – по существу, в субъекте права, им, субъектом, – его душою, его духом. Но субъект права – это не только понятие, или категория, или абстрактная точка для умственного приложения полномочий и обязанностей; субъект права – это прежде всего духовно организованная душа. Юридически квалифицироваться в качестве субъекта права и подлин-

¹ Ильин И.А. Корень зла // Собр. соч. в десяти тт. Т. 9-10. – М., – 1999. – С.199.

² Там же. – С.197.

³ Ильин И.А. Основные задачи правопедания в России // Собр. соч. в десяти тт. Т. 9-10. – М., – 1999. – С.221.

но быть субъектом права – не одно и то же. Юридически признать человека правоспособным и дееспособным и духовно сделать его правоспособным и дееспособным – не одно и то же; ибо признанная за ним правоспособность может остаться мертвою фикцией без живого наполнения, без творческой плэромы; а предоставленная ему дееспособность может раскрыться фактически как способность к грабежу, убийству и разрушению государства»¹.

Настоящий, нефиктивный субъект права, по убеждению мыслителя, способен чувствовать, желать и мыслить предметную цель права и государства, он способен переносить духовные напряжения своей личности на право и государство. «Быть нефиктивным субъектом права, – писал И.А. Ильин, – значит быть духовно зрелую личностью – вот первооснова правосознания, вот аксиома философии права, длительное пренебрежение к которой таит в себе возмездие»².

Человека нельзя заставить быть нормальным субъектом права – мысль, которую неоднократно повторял И.А. Ильин в своих философских и правоведческих трудах. Она звучит актуально и в наши дни. Действительно, нельзя заставить человека любить родину или желать государственной цели. Человек любит родину, потому что видит ее духовную красоту и утверждает ею самого себя, человек любит свое государство, если сам находит чувством, и мыслью, и созерцанием его единую, объективную цель. Но именно в этом своем достоинстве и уважении к себе нормальный субъект права имеет свою, самостоятельно испытанную и добровольно принятую грань в жизни и в действии; он имеет в самом себе мотивы для правого, верного, предметного поведения. Идеи И.А. Ильина об обновлении юридической науки, об обогащении ее духовным содержанием, актуальны и сегодня. Новая Россия, получившая в наследство негативный опыт авторитарной и тоталитарной культуры, инфицированная в последнее десятилетие XX в. идеями вульгаризированного либерализма, должна прислушаться к тем выводам и положениям, к которым пришли лучшие представители российской философии, своим умом и совестью осознавшие трагические повороты отечественной истории.

Список литературы

1. Ильин И.А. Корень зла // Собр. соч. в 10 т. Т. 9-10. – М., – 1999.
2. Ильин И.А. Основные задачи правоведения в России // Собр. соч. в 10 т. Т. 9-10. – М., – 1999.
3. Ильин И.А. О сущности правосознания. // Собр. соч. в десяти тт. – Т.4. – М., 1994.
4. Карцов А.С. Правовая идеология русского консерватизма. – М., – 1999.
5. Киреевский И.В. Полн. собр. соч. – М., 1861. – Т.1.
6. Кистяковский Б.А. В защиту права (Задачи нашей интеллигенции) // Философия и социология права. – СПб., 1998.
7. Хомяков А.С. Мнение иностранцев о России // О старом и новом. – М., – 1988.
8. Эвола Ю. Люди и руины. – М., – 2007.

SPIRITUAL GROUNDS OF LAW IN RUSSIAN CONSERVATISM PHILOSOPHY

S.V. Shestopalov

*Tula State Teachers'
Training University
n.a. L.N. Tolstoy*

*e-mail:
phileo@tspu.tula.ru*

The article is dedicated to spiritual grounds of law in Russian conservatism philosophy. The article deals with the development of Russian legal philosophy in the end of the XIX-th to the beginning of the XX-th centuries. The author investigates conservative and legal approaches to the law. Special attention is paid to I.A. Ilyin's legal philosophy.

Key words: philosophy, conservatism, liberalism, law, legal philosophy.

¹ Там же. – С.222.

² Там же. – С.224.